

А. С. Бочкарев
**ВОЕННАЯ СЛУЖБА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ПОДЪЯЧЕГО
В РУССКИХ ПОЛКАХ «НОВОГО СТРОЯ» В 1650-е гг.**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-15-23

УДК 94(470.22)“16” ББК 63.3(2)5

Статья посвящена малоизученному вопросу военной службы провинциальных подьячих: на основе архивных документов исследуется биография подьячего олонеккой съезжей избы Степана Ижорина, в особенности сюжеты, связанные с его службой в олонекких полках «нового строя» в 1650-е гг. Показано, что управление олонеккими полками осуществлялось с применением элементов традиционной приказной системы, а подьяческая служба была необходимым связующим звеном между самими полками, Новгородским разрядным полком и уездной воеводской администрацией. На примере деятельности Степана Ижорина показано, что подьячие являлись важным элементом в реализации военно-административных изменений в Карелии середины XVII в., обеспечивали стабильность мобилизации солдат и драгун в Олонекском уезде, занимались сыском и возвратом в строй дезертиров, а также осуществляли текущую работу при воеводских «шатрах» во время боевых действий. Обращается внимание на то, что при условии относительно низкой финансовой обеспеченности бюрократического аппарата олонеккой съезжей избы подьяческая служба в рядах вооруженных сил являлась социальным лифтом и залогом карьерного роста низших приказных чинов. Отмечается неудовлетворительная финансово-материальная обеспеченность военной службы приказных людей в приграничье. Делается вывод, что взаимодействие провинциальных подьячих с армией — особый административный феномен периода реформ Алексея Михайловича и зарождения русской регулярной армии середины XVII в.

Ключевые слова: *подьячий Степан Ижорин, приказной аппарат, олонекские полки «нового строя», съезжая изба, военные реформы середины XVII в., дезертирство*

Введение

В 1654 г. между Российским государством и Речью Посполитой началась Тринадцатилетняя война. Карелия как стратегический форпост российского северо-запада оказалась втянута в боевые действия против сначала Речи Посполитой, а затем Швеции. Крупнейший вооруженный конфликт в Восточной Европе середины — второй половины XVII в. стал серьезным испытанием для царской армии, которая переживала этап глубокого реформирования, ключевым образом связанный с усвоением и адаптацией западноевропейского военного опыта.

Чуть раньше, в 1649 г., на территории Заонежских и Лопских погостов Новгородского уезда был создан отдельный Олонекский уезд, возведена Олонекская крепость и учрежден пост воеводы. Тогда же из местного крестьянского населения были сформированы солдат-

ские и драгунские полки, обученные и возглавляемые иноземными начальными людьми.¹ Это мероприятие являлось частью важнейших военно-организационных изменений — наращивания в России темпов развертывания полков «нового строя» и расширения источников их комплектования. С началом Тринадцатилетней войны (1654–1667 гг.) олонекские полки «нового строя», до этого несшие службу по охране русско-шведской границы, были переданы действующей армии и стали частью Новгородского разрядного полка,² в составе которого и приняли участие в боевых действиях.

Стабильность и эффективность управления олонекскими полками (в которых по ряду причин был высокий уровень дезертирства солдат и драгун) обеспечивались не только военно-административным опытом командиров — полковников и воевод, но и зачастую «невидимой» работой низового звена служащих приказного аппарата — подьячих. Поэтому рассмотрение их роли (и в целом роли

Бочкарев Александр Сергеевич — к.и.н., м.н.с., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)
E-mail: alexander.bochkariov@yandex.ru

¹ См.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 122.

² Особое войсковое соединение северо-западных уездов, военно-административный округ.

местной приказной бюрократии) во взаимодействии уездной воеводской администрации и действующей армии важно для понимания специфики военно-политической эволюции Русского государства 1650-х гг., когда освоение западноевропейской тактики и вооружения сочеталось с работой традиционной московской приказной системы управления.

Военный аспект подьяческой службы как предмет исследования в историографии до сегодняшнего дня отдельно не выделялся. Относительно системы государственного управления XVII в. историки сосредотачивались в основном на нескольких крупных областях: на генезисе приказной системы, особенностях функционирования центральных и местных органов власти, приказном делопроизводстве, кадровом составе приказных учреждений, социальном положении приказных людей.³ Также существует внушительный справочный аппарат по дьякам и подьячим.⁴ Необходимо при этом отметить, что Н. Ф. Демидовой, крупному специалисту по истории государственного управления России раннего Нового времени, удалось комплексно подойти к исследованию бюрократии как особой категории населения, обслуживающей деятельность разветвленного аппарата государственных учреждений, а также уделить внимание военной составляющей подьяческой службы.⁵ Вышеперечисленные сюжеты чрезвычайно важны, однако они лишь частично раскрывают специфику взаимоотношений приказного аппарата и армии. В русле военно-исторической антропологии⁶ и возможностей биографики⁷ представляется важным уточнить следующие вопросы: какие дела поручались подьячим, каковы были

круг должностных обязанностей, особенности выплаты жалования, были ли возможности карьерного роста, каким объективно было материальное положение и как сам подьячий его оценивал.

Статья основывается на материалах фонда Олонецкой воеводской избы Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. Проанализирован и задействован комплекс источников частного характера, проясняющих вопросы повседневной работы местных подьячих, их кадровый состав, выплату жалования в условиях Тринадцатилетней войны и военно-административных изменений в Карелии середины XVII в.⁸ Привлечены приходно-расходные документы и массовые источники из коллекции «Боярских и городских книг» Российского государственного архива древних актов.⁹ В центре внимания исследования — челобитная подьячего олонецкой съезжей избы Степана Ижорина о прибавке ему жалования от 27 мая 1657 г.: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу бьет челом холоп твой Олонецкого городу съезжей избы подьячишко Степашко Ижорин».¹⁰ Документ повествует о профессиональной деятельности просителя в период с 1650 по 1657 гг. и о трудностях службы провинциального подьячего из приграничного города. Особенно важны элементы самопрезентации — изложения мотивов действий и оценки собственного положения, при анализе которых, безусловно, важно учитывать жанр документа. Челобитную по содержанию и хронологии условно можно разделить на три части:

— участие Ижорина в мероприятиях по реализации военно-административной реформы Заонежских и Лопских погостов (1650–1654 гг.);

— исполнение дел, связанных с деятельностью вооруженных сил (1654–1656 гг.);

— переход на приказную работу (1656–1657 гг.).

Рассмотрение деятельности Степана Ижорина в целом позволяет выявить особенности жизни и службы местных подьячих. Для исследования работы подьячих в рамках взаимодействия уездной администрации и армии наиболее важно рассмотреть военный период биографии Степана Ижорина.

³ См.: Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. М., 2000; Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. М., 2005; Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: словарь-справочник. М.; СПб., 2015; Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009; Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // Журнал министерства народного просвещения. 1894. С. 118–151.

⁴ См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие в XV–XVII вв. М., 1975; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011.

⁵ См.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

⁶ См.: Бажуков В. И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Вестник военного университета. 2008. № 3 (15). С. 37–45.

⁷ См.: Вахромеева О. Б. Биография как вспомогательная историческая дисциплина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3. С. 81–83.

⁸ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2.

⁹ См.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4–5.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Стр. 1–20б.

Сыск «сошлых» крестьян

Съезжая, приказная или воеводская изба (синонимичные понятия) — орган местной власти при уездных воеводах, где производились следствие, суд и сосредотачивалось все делопроизводство.¹¹ Она была основана в Олонце в 1648 г. и поначалу состояла из трех подъячих, переведенных из бывшего центра управления Заонежскими погостами — Ошты.¹² Практически сразу аппарат избы был расширен, причем во многом за счет церковных дьячков и детей клириков.¹³ Увеличение штатов съезжих изб характерно для всей территории России середины — второй половины XVII в.;¹⁴ для Карелии это было мотивировано необходимостью выработки четкого механизма внутреннего управления в условиях реализации военно-административных изменений.

Степан Ижорин был зачислен в съезжую избу в 1650/51 г. и сразу же вовлечен в работу по урегулированию вопросов солдатской и драгунской службы в Заонежских и Лопских погостах,¹⁵ что предусматривало проведение мер по налоговой и демографической стабилизации данных районов. В этой связи правительство уделяло пристальное внимание сыску и водворению на прежние места жительства «сошлых», то есть мигрировавших в смежные уезды из-за ряда неурожайных лет 1640-х гг. и увеличения податного обложения, крестьян. Хотя основные мероприятия в данном направлении были проведены в 1647–1649 гг., сыск «сошлых» продолжился в 1650-е гг.¹⁶

Подъячий Степан Ижорин в начале своей челобитной пишет, что в 1650–1653 гг. лично принимал участие в сыске «сошлых» крестьян. В первую очередь в 1650/51 г. он действовал в монастырских и помещичьих волостях в пределах Олонецкого уезда.¹⁷ Владения монастырей и поместья в качестве новых мест жительства крестьяне выбирали потому, что там им предоставлялась на несколько лет льгота

в уплате налогов и несении повинностей.¹⁸ По результатам сыска 1650/51 г. Степан Ижорин выслал в Олонец 39 крестьянских семей, которые по «розбору околничего и воеводы Василья Александровича Чоголокова написаны в драгуны и в салдаты и устроены на прежние свои деревенские участки». Затем в 1651/52 г. география поездок подъячего расширилась: он был послан в Бежецкий верх, в том числе Городец (центр Бежецкой пятины Новгородского уезда), и доезжал до Кашина. По итогу Ижориным было обнаружено и выслано в Олонец 73 крестьянских «сошлых» семьи, мужчины из которых, как и найденные в предыдущем году, были переписаны и определены в олонечские полки. В 1651–1653 гг. Степан Ижорин при сыске выступал уже в качестве помощника сыщика Ивана Кобыльского, с которым они искали «сошлых» «по многим городом» и разыскивали 318 семей.¹⁹ Вывод сошлых крестьян был делом нелегким, поскольку частные владельцы отстаивали, порою силовыми методами, поселившихся у них заонежских и лопских крестьян: они блокировали дороги и препятствовали работе сыщиков.²⁰ На том основании, что в 1651 г. «сошлых» насчитывалось 690 семей,²¹ результаты деятельности Ижорина к 1653 г. — 430 выдворенных семей — красноречиво свидетельствуют об эффективности кампании.

По завершении розыска Степаном Ижориным были составлены выводные сыскные книги, «сколко сошлых крестьян ис коево города и из-за кого имяны вывезены». Кроме сформированных списков крестьян в сыскных книгах он указывал, на какие именно деревенские участки устроены крестьяне, были ли они записаны в солдаты, драгуны или «охудалые» (группу, на которую не распространялась служба в олонечских полках), «особыми статьми» выделяя, сколько за ними живущей и оброчной земли.²²

Несмотря на то что в 1650–1653 гг. Степан Ижорин нес государственную службу, он не был обеспечен жалованьем, то есть был вне основного штата съезжей избы, на чем и заострял внимание в своей челобитной.²³ Это соотносится с фактом бытования группы «неверстанных» подъячих (число которых увеличивалось

¹¹ См.: Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 416.

¹² См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 65. Ст. 8–9.

¹³ См.: Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий. Петрозаводск, 2013. С. 54; Она же. Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII века: опыт локального исследования // Российская история. 2009. № 3. С. 124.

¹⁴ См.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 136.

¹⁵ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1.

¹⁶ См.: Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII веков. Петрозаводск, 1947. С. 123, 124.

¹⁷ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1.

¹⁸ См.: Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 124.

¹⁹ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1.

²⁰ См.: Мюллер Р. Б. Указ. соч. С. 126.

²¹ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1.

²² См.: Там же; выводные сыскные книги хранились в олонечкой съезжей избе, но до наших дней не сохранились.

²³ См.: Там же.

из-за изменения источников финансирования местной приказной бюрократии) и назначения им окладов после значительного срока службы.²⁴ Лишь 1 сентября 1653 г. Степан Ижорин из-за того, что «*подьячих мало, у государевых дел быть некому*», был поверстан годовым окладом в размере 4 рублей, то есть получил место в основном штате.²⁵ При этом важно учитывать, что воеводы в условиях увеличения объемов делопроизводства и нехватки подьячих старались принимать все меры для пополнения кадров съезжих изб.²⁶

Военная служба

После начала русско-польской войны Ижорин начал привлекаться к делам, связанным с военно-организационными вопросами. В октябре 1654 г. он был назначен на розыск бежавших с театра боевых действий в Великом княжестве Литовском пашенных солдат и драгун²⁷ — мероприятие весьма важное с точки зрения сохранения мобилизационного ресурса Олонецкого уезда. Система сыска и возврата в строй беглых солдат была основным инструментом борьбы с дезертирством из олонечских полков «нового строя» во время русско-польской (1654–1667) и русско-шведской (1656–1658) войн. Ее организация основывалась на взаимодействии командования олонечского полка, командования Новгородского разрядного полка и олонечской воеводской администрации. Основным оперативным элементом данной системы были сыщики — начальные люди олонечских и других полков «нового строя», дворяне и дети боярские, новокрещены и подьячие.²⁸ По результатам сыска, организованного Степаном Ижориным в Олонецком погосте, ему удалось задержать 96 дезертиров. В челобитной он пишет, что до него в погост были посланы другие сыщики, но никого не отыскали, а он нашел, потому что «*имал тех беглых салдат по лесом*».²⁹

Видимо, его усердие было замечено в Олонце, так что вскоре по запросу воеводы Новго-

родского разрядного полка Василия Петровича Шереметева и распоряжению олонечского воеводы Василия Александровича Чоглокова подьячий был направлен в места дислокации олонечских полков для «*справки драгунских и солдатских списков*» (на театре военных действий в Великом княжестве Литовском их было 8 тыс. человек).³⁰ Это задание требовало особого внимания со стороны олонечской воеводской администрации, поэтому кроме Ижорина на то же дело отправились и другие подьячие, в том числе Дружина Протопопов (с 1659 г. дьяк при воеводе Терентии Васильевиче Мышецком) и Богдан Софонов.³¹

Одной из постоянных проблем организации олонечских полков «нового строя» было расхождение данных солдатских и драгунских списков с реальной ситуацией. Дело в том, что переписчики и воеводы за «*посулы*», то есть взятки, могли обеспечить «*прикрытие*» желавшим избежать службы лицам. Одним из способов было написать одного человека «*в двое и в трое*», то есть несколько раз и в разных местах солдатских списков записать имя одного уже мобилизованного человека.³² Это влекло за собой недоукомплектованность рот, а в масштабе полка — потенциальный срыв той или иной операции. Кроме того, данные нарушения, наряду с финансовыми и военными трудностями, были одной из причин массового дезертирства, из-за чего олонечские полки теряли в разные годы от 20 до 28 % рядового состава.³³ Именно по причине того, «*что-де многие драгунские и салдацкие имяны в списках написаны в двое и в трое*», и был отправлен Степан Ижорин и другие подьячие в Новгородский полк сверять документы. В итоге их деятельность дала положительный результат и ограничила злоупотребления, так как уже в переписных солдатских книгах сыщика Ивана Семеновича Дивова 1657 г. среди всех солдат и драгун (а это более 11 тыс. рядового состава) лишь 26 были записаны «*одного человека в двое*».³⁴

При наличии годового оклада в 4 рубля, назначенного в 1653 г., подьячий Степан Ижорин терпел ощутимые финансовые трудности.

²⁴ См.: Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // Журнал министерства народного просвещения. 1894. С. 139; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 132, 133.

²⁵ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 65. Ст. 3–4; Там же. Д. 75. Ст. 2.

²⁶ См.: Оглоблин Н. Н. Указ. соч. С. 134.

²⁷ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 8. К. 2. Д. 75. Ст. 1.

²⁸ См.: Бочкарев А. С. Проблема дезертирства из олонечских полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Петро-заводск, 2023. С. 156–159.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1.

³⁰ См.: Там же.

³¹ См.: Там же; Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 437; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). С. 462.

³² О нарушениях порядка службы олонечских полков подробнее см.: Бочкарев А. С. Указ. соч. С. 102–108.

³³ См.: Там же. С. 174.

³⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 489об.–490об.

Ни хлебного жалования, ни подъемных денег ему выдано не было. Следует иметь в виду, что для 1650-х гг. 4 рубля в год без продовольственного обеспечения и «подъема» — сумма незначительная. Для сравнения, солдаты и драгуны олонекских полков в 1654–1662 гг. получали 60 алтын месячного жалования (что составляет 21,6 рублей в год), и в условиях финансового кризиса начала 1660-х гг. им этих денег не хватало.³⁵ Степан Ижорин писал в челобитной, что в 1654/55 г. самостоятельно «ездил под Вильно и за Вильно до Подберезья. А лошади... покупал... в Полоцке... многую нужу... терпел и хлеб покупал самую дорогою ценою... из Вильно до Полоцка и до Великого Новагорода [ехал] на своих лошадях». За эту поездку подьячий израсходовал 35 рублей, которые, как он утверждал, брал в долг.

Низкое жалование Ижорина было обусловлено зависимостью от общей суммы выделенной на оплату труда подьячих олонекской съезжей избы. По царскому указу 1651/52 г. (который неоднократно упоминается в документах), она составила 100 рублей, а ее размер не менялся до 1670-х гг., несмотря на увеличение кадрового состава съезжей избы в этот период. Данная сумма собиралась с Заонежских и Лопских погостов.³⁶

По выполнении своих обязанностей в Новгородском разрядном полку и возвращении в Олонец Степан Ижорин принял участие в русско-шведской войне 1656–1658 гг. В кампании 1656 г. он служил в «штабе» (осуществлял текущую работу) у воеводы стольника Петра Михайловича Пушкина (Ижорин именует его прозвищем «Подкорельский») — «безотступно и в осаде от приходу немецких воинских людей сидел».³⁷ Подьячий имеет в виду эпизод осады крепости Корела (швед. Кексгольм) летом 1656 г., когда русские войска численностью около 1 000 солдат олонекских полков и новгородских стрельцов в июле возвели временные фортификационные сооружения, необходимые для осады и штурма крепости. Однако 30 августа они сами были вынуждены запереться в укрепленном лагере и организовать оборону против подошедшего для деблокирования Корелы корпуса шведского

генерал-фельдмаршала графа Густава Адольфа Левенгаупта численностью 1 600 человек. После двух неудачных штурмов шведы приступили к бомбардировке одного из русских «острожков» с южной стороны Корелы, что вынудило оборонявшихся оставить его в ночь на 31 августа.³⁸ Скорее всего, именно в этом форте и находился Степан Ижорин, так как он указывает, что «от немецких воинских людей из рук ушол, пометав в реку платишко, и реку корельскую переплыл через пороги великие к государевым ратным людям... меня... взяли из реки замертво нага, одва и душу добыли».³⁹ Действительно, основная протока реки Вуоксы, в тексте челобитной названная корельской, огибает крепость с южной стороны, и там же расположены пороги, которые Ижорин был вынужден преодолевать вплавь, спасаясь от артиллерийского обстрела. Осада русского лагеря была снята 6 сентября после получения Левенгауптом известия о приближении со стороны Орешка (швед. Нотебурга) части войск воеводы стольника Петра Ивановича Потемкина. Шведы отступили в Кирияжский погост, а русские возобновили осаду и продолжали ее еще три недели.⁴⁰

Как только «отсиделись от приходу немецких воинских людей», Степан Ижорин был выбран в качестве гонца вместе с жильцом Мокеем Масловым и с отписками воеводы Пушкина отправлен в ставку Алексея Михайловича в осадный лагерь под Ригу.⁴¹ Сметные списки Олонекского уезда за 1656/57 г. отразили, что всего в этот период к государю гонцами отправились три человека, которым было дано «для скорой гоньбы на запасные подводы» 6 рублей.⁴² Среди этих гонцов был, по всей видимости, и подьячий Степан Ижорин.

Изменения в судьбе Степана Ижорина в 1650-х гг.: верстание жалованием, направление на сыск дезертиров и «государеву службу для справки списков», участие в осаде Корелы и поездка в качестве гонца к царю под Ригу, — иными словами, исполнение дел в рядах вооруженных сил, свидетельствуют не только об очевидном доверии к нему со стороны олонекских воевод В. А. Чоглокова и П. М. Пушкина,

³⁵ См.: Бочкарев А. С. Указ. соч. С. 92, 97–98.

³⁶ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 65. Ст. 2, 8, 11, 16, 20, 23, 26, 37, 48, 52; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 124, 125; Сулова Е. Д. Служители церкви в Карелии... С. 54, 55.

³⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 2.

³⁸ См.: Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–58 гг. URL: <https://rusmilhist.blogspot.com/2014/10/1656-58.html> (дата обращения: 13.05.2024); Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656–1658 гг. М., 2017. С. 33.

³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 2.

⁴⁰ См.: Гадзяцкий С. С. Указ. соч.; Курбатов О. А. Указ. соч. С. 33.

⁴¹ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 2.

⁴² См.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 206.

но и отражают более общий процесс середины XVII в. — разделение обязанностей приказных людей на собственно «приказную работу» (текущую работу в приказах и съезжих избах) и «государеву службу» (службу в полках).⁴³ Таким образом, служба подьячих в армии, как в случае Дружины Протопопова, Богдана Софонова и Степана Ижорина, носила специфический характер, так или иначе сочетаясь с приказной работой: помимо тягот походной жизни и участия в редких сражениях, на плечи подьячих ложились проверка списков ратных людей, финансовая отчетность полков, раздача жалованья, записи расспросных речей пленных и т. д. По сути, их военная служба сводилась к выполнению не военных по характеру поручений внутри войсковых подразделений и воеводских «шатров». ⁴⁴ Благодаря грамотности, навыкам составления документов и ведения делопроизводства (объемы которого значительно увеличились на протяжении XVII в.)⁴⁵ низовое звено служилой бюрократии поддерживало стабильность оперативного руководства подразделений. Подьячие являлись связующим звеном между воеводской администрацией и действующей армией в вопросах упорядочивания и организации службы, особенно в полках «нового строя», ставших ядром российских вооруженных сил в пореформенный период середины XVII в.

В 1655/56 г. (как и за год до этого) Ижорин был поверстан жалованьем в 4 рубля. Одних этих денег, конечно, не хватало для существования. Это, ко всему прочему, видно из текста челобитной, где он жалуется, что «*кроме дву годов все службишка ничего мне, холопу твоему, не дано твоего государева жалованья*». Его жена и дети «*скитаютца меж двory*», и вообще, «*в порубежном городе [то есть в Олонце] в безпрестанной службе тем малым жалованьем жить нечим*». В итоге из-за своего бедственного финансового положения Степан Ижорин влез в серьезные долги и лишился возможности откупиться от кредиторов.⁴⁶ Подобные истории с ним обнаруживаются и в более поздних документах. Так, из челобитной от 18 сентября 1668 г. известно, что в 1666/67 г. во время своего пребывания в

Москве он занял у князя Михаила Яковлевича Черкасского 50 рублей, но выплатить смог лишь 15 рублей.⁴⁷

Что касается восприятия Степаном Ижоринным собственного финансового положения военного периода его биографии, в челобитной 1657 г. он выражает недовольство по поводу своих коллег-подьячих, которые «*в приказе добываютца и живут по доме*» и получают доплату по 2 гривны с рубля за составление сметных книг. Этот дополнительный заработок, как и доход от решения судебных и других частных вопросов — «кормление от дел» — повсеместно распространенная приказная практика в России XVII в.⁴⁸ В отличие от других олонецких подьячих, Ижорин с 1654 г. находился «*в драгунском и салдацком зборе*», то есть нес полковую службу, выполняя различные важные поручения командования, соответствующие его рангу, где «*обдолжал великими долгами и оскудел*». ⁴⁹ То, что он выделяет свою военную службу, соответствует мнению Н. Ф. Демидовой, что подьяческая служба в полках считалась более почетной, чем работа в приказах и съезжих избах.⁵⁰ И несмотря на то что в тексте Степан Ижорин мог «сгустить краски»,⁵¹ фактом оставалось то, что из всех подьячих олонецкой съезжей избы, поверстанных жалованьем 1 сентября 1653 г., он получил наименьший оклад (размеры жалованья олонецких подьячих колебались от 4 до 15 рублей).⁵² Пример Ижорина иллюстрирует, что полковая служба, несмотря на свою престижность, не только могла оплачиваться ниже, но и не давала возможностей денежного приработка, в отличие от приказной работы.

Вместе с тем армейское делопроизводство, в частности связанное с мобилизационными мероприятиями в Олонецком уезде, становилось залогом карьерного роста для людей приказного чина. Так, в 1657 г. подьячий Иван Петров составлял, а затем доставил в Москву переписные солдатские книги по разбору сыщика Ивана Семеновича Дивова. За свою

⁴⁷ См.: Там же. Д. 65. Ст. 28–30.

⁴⁸ См.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 141, 142.

⁴⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1–2.

⁵⁰ См.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 152.

⁵¹ Несмотря на скудное материальное положение Степана Ижорина, среди его имущества были и недорогие вещи, например бархатная вишневая шапка с соболиным мехом стоимостью 5,5 рублей и кисейный шитый золотом плат стоимостью 15 алтын, украденные у него в 1661 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 5. Д. 34. Ст. 1).

⁵² См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 65. Ст. 4.

⁴³ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 147–152.

⁴⁴ Там же. С. 176–178.

⁴⁵ Подробнее об истории приказных учреждений см.: Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Указ. соч.; Лисейцев Д. В. Указ. соч.

⁴⁶ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 2.

деятельность 20 марта 1669 г. он был взят по челобитью в олонецкую съезжую избу и даже сразу поверстан окладом.⁵³ Несколько раньше, 18 марта 1665 г., туда же (на этот раз без оклада) был зачислен площадный подьячий Алексей Иванов, который в 1663 г. составлял переписные солдатские книги по новому разбору стольника Петра и стряпчего Елисея Зиновьевых.⁵⁴

Переход на приказную работу

Ко времени подачи челобитной от 27 мая 1657 г. подьячий Степан Ижорин находился у государевых дел уже как минимум семь лет. Как и большинство прослуживших достаточно долгое время провинциальных подьячих,⁵⁵ он был хорошо осведомлен о положении дел в воеводстве В. А. Чоглокова, П. М. Пушкина (а затем и Т. В. Мышецкого). К тому моменту он имел за плечами опыт работы в съезжей избе, сыска «сошлых» и дезертиров в 1650–1654 гг., опасной и трудной службы в олонецких полках в 1654–1656 гг. Ижорин запросил прибавку к своему 4-рублевому окладу, которую и получил по рассмотрению челобитной с 27 июня 1657 г.: он был поверстан жалованьем 6 рублей в год.⁵⁶ Судя по имеющимся документам, примерно в это время он завершает военную службу и окончательно переходит на приказную работу, то есть круг его обязанностей меняется с решения военных задач на ведение судебных, административных и финансовых дел. Но поскольку распределение ежегодно выделяемых денежных средств (100 рублей) на оплату труда внутри подьяческого состава олонецкой съезжей избы напрямую зависело от рабочей нагрузки каждого подьячего («смотря по приказной работе кто чего достоин»), освобождения и замещения «убылых окладов» (по разным причинам покинувших свой пост подьячих), то персональное жалование могло варьироваться год от года. И хотя нам неизвестно, каким окладом был поверстан Степан Ижорин между 1657 и 1662 гг., но в 1662/63 г. двухрублевая прибавка по челобитной 1657 г. ему не выплачивалась, и он получал все те же 4 рубля в год.⁵⁷ Таким образом, ни временная прибавка к окладу, ни переход с военной службы на приказную работу не по-

зволили подьячему поправить свое финансовое положение.

В то же время в профессиональной деятельности Степана Ижорина наблюдается карьерный рост. В 1662/63 г. он становится подьячим «с справкою».⁵⁸ Ему вменялось в обязанность «справливать», то есть заверять своей подписью в конце документа правильность его написания. В жизни местных учреждений такие подьячие занимали важное место. Н. Н. Оглоблин и Н. Ф. Демидова сходятся во мнении, что подьячие «со справкою» являлись руководителями делопроизводства съезжей избы, на них также ложилась финансовая часть приказной работы. При этом их не следует путать с группой подьячих «с приписью», занимавших промежуточное положение между дяками и подьячими и имевших особый функционал.⁵⁹ После облечения Ижорина новыми обязанностями в следующие 1663/64–1664/65 гг. его оклад вырос с 4 до 8 рублей, а затем до 12 рублей.⁶⁰

Заключение

В чине подьячего «со справкою» и с годовым окладом 12 рублей Степан Ижорин прослужил до самой смерти осенью 1670 г.⁶¹ Его профессиональная судьба — типичный пример карьеры приказного человека приграничного города: широкий профиль деятельности, периоды гражданской и военной службы со всеми издержками последней, хронические финансовые затруднения и, наконец, некоторый подъем по иерархической лестнице приказных чинов.

Самой яркой страницей жизни Степана Ижорина была его военная служба в 1654–1656 гг. Он, как связующее звено местной воеводской власти и Новгородского разрядного полка, взаимодействовал с армией в основном по четырем направлениям работы: сыск беглых солдат, сверка списков личного состава олонецких полков «нового строя», штабная и посыльная службы. Таким образом, Степан Ижорин обеспечивал стабильность обратной связи уездной администрации и армейского командования. В контексте военных реформ середины XVII в. высокая значимость службы Степана Ижорина также обуславливается необходимостью борьбы с массовым дезертирством

⁵³ См.: Там же. Ст. 42–43.

⁵⁴ См.: Там же. Ст. 13, 21.

⁵⁵ О специфике службы московских и провинциальных подьячих подробнее см.: Оглоблин Н. Н. Указ. соч. С. 126, 127.

⁵⁶ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 206.

⁵⁷ См.: Там же. Д. 65. Ст. 23.

⁵⁸ Там же. Д. 65. Ст. 26, 29.

⁵⁹ См.: Оглоблин Н. Н. Указ. соч. С. 139, 140; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль... С. 168–172.

⁶⁰ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 65. Ст. 24, 29.

⁶¹ См.: Там же. Ст. 50, 53.

пашенных солдат и драгун, угрожавшим бое- способности олонетских полков и сохранению мобилизационного ресурса уезда.

В целом можно утверждать, что военная служба подьячих как представителей системы государственного управления, в середине XVII в. была включена в процесс коренных преобразований в военном деле и зарожде-

ния русской регулярной армии. Деятельность Степана Ижорина — пример удачного опыта использования традиционной приказной системы в рамках развертывания полков «нового строя», низового организационного механизма вооруженных сил в период углубляющегося процесса бюрократизации военного и государственного управления.

Alexander S. Bochkarev

Candidate of Historical Sciences, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre of the RAS (Russia Petrozavodsk)

E-mail: alexander.bochkariou@yandex.ru

MILITARY SERVICE OF A PROVINCIAL PODYACHY IN THE RUSSIAN “NEW ORDER” REGIMENTS IN THE 1650s

The article deals with a little-studied issue of military service of provincial poduachy. Based on rare archival documents, it examines the biography of Stepan Izhorin, a podyachy of the Olonets voivod office, particularly focusing on his service in the Olonets “new order” regiments in the 1650s. It is shown that the administration of these regiments was conducted using elements of the traditional prikaz system, and podyachy service was a necessary link between the Olonets regiments, the Novgorod Razryad Regiment, and the uezd voivod administration. The activities of Stepan Izhorin reveal that podyachy were an important component in the implementation of military-administrative changes in mid-17th century Karelia, ensuring the stability of soldier and dragoon mobilization in the Olonets uezd, being engaged in the search for and return of deserters, and performing ongoing duties at the voivod’s headquarters during military actions. It is noted that given the relatively low financial provision of the bureaucratic apparatus of the Olonets voivod office, the podyachy service within the armed forces was a social elevator and a guarantee of career advancement for lower-class administrative officials. The inadequate financial and material support for the military service of administrative bureaucracy in the borderlands is highlighted. The conclusion drawn is that the interaction between provincial podyachy and the army represents a distinct administrative phenomenon of the period of Alexei Mikhailovich’s reforms and the emergence of Russia’s regular army in the mid-17th century.

Keywords: *podyachy Stepan Izhorin, administrative apparatus, Olonets “new order” regiments, voivod office, military reforms of the mid-17th century, desertion*

REFERENCES

- Bazhukov V. I. [Military Anthropology: Object, Subject, Directions, Methodology]. *Vestnik voyennogo universiteta* [Bulletin of the Military University], 2008, no. 3 (15), pp. 37–45. (in Russ.).
- Bochkarev A. S. *Problema dezertirstva iz olonetskikh polkov “novogo stroya” v period voyn s Rech’yu Pospolitoj i Shvetsiyey v seredine XVII veka: kand. dis.* [The Problem of Desertion from the Olonets “New Order Regiments” during the Wars with the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden in the mid-17th Century: Diss. Cand.]. Petrozavodsk, 2023. (in Russ.).
- Bogoyavlensky S. K. *Moskovskiy prikaznoy apparat i deloproizvodstvo XVI–XVII vekov* [Moscow Administrative Apparatus and Office Work of the 16th–17th Centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 2006. (in Russ.).
- Demidova N. F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i yeye rol’ v formirovanii absolyutizma* [Service Bureaucracy in 17th Century Russia and Its Role in the Formation of Absolutism]. Moscow: Nauka Publ., 1987. (in Russ.).
- Demidova N. F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII veka (1625–1700). Biograficheskiy spravochnik* [Service Bureaucracy in 17th Century Russia (1625–1700). Biographical Reference]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2011. (in Russ.).
- Gadzyatsky S. S. [Karelia and the Southern Ladoga Region in the War of 1656–58]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1941, vol. 11, pp. 236–281. Available at: <https://rusmilhist.blogspot.com/2014/10/1656-58.html> (accessed: 13.05.2024). (in Russ.).

Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [History of Karelia from Ancient Times to the Present Day]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2001. (in Russ.).

Kurbatov O. A. *Russko-shvedskaya voyna 1656–1658 gg.* [Russian-Swedish War of 1656–1658]. Moscow: Runivers Publ., 2017. (in Russ.).

Liseytshev D. V. *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [The Prikaz System of the Moscow State during the Time of Troubles]. Tula: Grif i K Publ., 2009. (in Russ.).

Liseytshev D. V., Rogozhin N. M., Eskin Yu. M. *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: slovar'-spravochnik* [Prikazy of the Moscow State of the 16th–17th Centuries: Dictionary and Reference Book]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. (in Russ.).

Muller R. B. *Ocherki po istorii Karelii XVI–XVII vekov* [Essays on the History of Karelia in the 16th–17th Centuries]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoye izd-vo Karelo-Finskoy SSR Publ., 1947. (in Russ.).

Pavlov-Silvansky N. P. *Gosudarevy sluzhilyye lyudi* [The Tsar's Service People]. Moscow: Kraft+ Publ., 2000. (in Russ.).

Petrov K. V. *Prikaznaya sistema upravleniya v Rossii v kontse XV–XVII vv.* [The Prikaz System of Administration in Russia in the Late 15th–17th Centuries]. Moscow: Al'yans-Arkheo Publ., 2005. (in Russ.).

Suslova E. D. [Northern Clergy as the Source for the Central Bureaucracy's Staff in the 17 Century: The Results of Local Research]. *Rossiiskaia Istoriia* [Russian History], 2009, no. 3, pp. 123–127. (in Russ.).

Suslova E. D. *Sluzhiteli tserkvi v Karelii rannego novogo vremeni: skladyvaniye dinastiy* [Church Servants in Karelia in the Early Modern Period: The Formation of Dynasties]. Petrozavodsk: PetrGU Publ., 2013. (in Russ.).

Vakhromeeva O. B. [Biographical Studies as an Auxiliary Historical Discipline]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Current Problems of Humanitarian and Natural Sciences], 2013, no. 3, pp. 81–83. (in Russ.).

Veselovsky S. B. *D'yaki i pod'yachiye v XV–XVII vv.* [Diaks and Poduachyies in the 15th–17th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975. (in Russ.).

Для цитирования: Бочкарев А. С. Военная служба провинциального подьячего в русских полках «нового строя» в 1650-е гг. // Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 15–23. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-15-23.

For citation: Bochkarev A. S. Military Service of a Provincial Podyachy in the Russian “New Order” Regiments in the 1650s // Ural Historical Journal, 2024, no. 4(85), pp. 15–23. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-15-23.